

ity education, as well as taking into account best international practices. Digital learning is a promising way to obtain education.

The creation of an effective IT education system increases the accessibility of quality education for students, develops digital skills, and improves the quality of learning through the use of modern innovative technologies, electronic libraries, and more.

Digital learning makes universities more attractive in the international educational market, including for international students, and reduces infrastructure maintenance costs.

Digital learning will also enable the training of the next generation using artificial intelligence and virtual reality and will provide impetus for the development of modern digital education in the country.

REFERENCES:

1. Gosudarstvennaya programma «Cifrovoy Kazakhstan» (2017). [State Program "Digital Kazakhstan"]. Approved by the Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 827 of December 12, 2017. Astana. [In Russian].
2. Konstitucija Respubliki Kazakhstan (prinjata na respublikanskom referendumе 30 avgusta 1995 goda) [Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995)] / IS Paragraf [IS Paragraph]. Available at: URL: <http://online.zakon.kz> [In Russian]. (accessed: 11.11.2024).
3. Zakon Respubliki Kazakhstan «Ob obrazovanii» (2007). [Law of the Republic of Kazakhstan "On Education"] No. 319-III of July 27, 2007. [In Russian].
4. Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area (ESG) (2015). Brussels. [In English].
5. Gosudarstvennye obscheobjazatel'nye standarty obrazovanija Respubliki Kazakhstan [State Compulsory Standards of Education of the Republic of Kazakhstan]. [In Russian].
6. Bajmahanov, M.T. Konstitucionnye prava i svobody cheloveka v Respublike Kazakhstan [Constitutional rights and freedoms of a person in the Republic of Kazakhstan]. Almaty. [In Russian].
7. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of the Russian Federation "On Education in the Russian Federation"]. [In Russian].
8. Sulejmenov, M.K. Pravo na obrazovanie v Respublike Kazakhstan: teorija i praktika [The right to education in the Republic of Kazakhstan: theory and practice]. [In Russian].
9. Abdrasilov, E.B. Cifrovizacija obrazovanija: pravovye aspekty [Digitalization of education: legal aspects]. Vestnik vysshej shkoly Kazahstana [Bulletin of the Higher School of Kazakhstan]. [In Russian].
10. Zhumagulova, A. & Yanovskaya, O. (2025). New paradigm for ensuring the quality of education. Education. Quality Assurance, 3(36), 9–16. [In English].

AUTHOR INFORMATION:

Жумагулова Алина Бакытжановна - кандидат юридических наук, генеральный директор Независимого агентства аккредитации и рейтинга (IAAR), г. Астана, Республика Казахстан. E-mail: iaar@iaar.kz

Жұмағұлова Алина Бақытжанқызы - заң ғылымдарының кандидаты, бас директор, Аккредиттеу және рейтинг тәуелсіз агенттігі (IAAR), Астана қ., Қазақстан Республикасы. E-mail: iaar@iaar.kz

Zhumagulova Alina - Candidate of Juridical Sciences, General Director, Independent Agency for Accreditation and Rating (IAAR), Astana, Republic of Kazakhstan. E-mail: iaar@iaar.kz

МРНТИ 14.29
УДК 331.101.262

DOI 10.58319/26170493_2026_2_10

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рахматджонзода Р.Р.^{1*}, Рахметов Э.С.¹

¹Академия МВД Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

АННОТАЦИЯ. В данной статье, авторами указывается на актуализацию теории и практики негласных следственных действий в странах Центральноазиатского региона. Рассматривая различные позиции авторов, ученых, практиков, а также достаточное количество научных и иных источников, авторы приходят к мысли о том, что использование возможностей негласных следственных действий в раскрытии и расследовании преступлений является в настоящее время сближающим компонентом между негласной и гласной деятельностью правоохранительных органов. Позиции государств Центральноазиатского региона имеют ряд особенностей, но вместе с тем, имеются наработки при дальнейшем сочетании и внедрении негласных следственных действий в уголовное судопроизводство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. негласные следственные действия, следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, теория, практика, инновации, цифровизация, преступность.

Орталық Азия елдеріндегі жасырын тергеу әрекеттері теориясы мен практикасының өзектендірілуі

Рахматджонзода Р.Р.^{1*}, Рахметов Э.С.¹

¹Тажикстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің академиясы, Душанбе, Тажикстан Республикасы

АНДАТПА. Осы мақалада авторлар Орталық Азия өңірі елдеріндегі жасырын тергеу әрекеттерінің теориясы мен практикасының өзектілігін қарастырады. Авторлар әртүрлі ғалымдардың, практик мамандардың көзқарастарын, сондай-ақ көптеген ғылыми және өзге де дереккөздерді талдай отырып, қылмыстарды ашу және тергеп-тексеру барысында жасырын тергеу әрекеттерінің мүмкіндіктерін пайдалану қазіргі уақытта құқық қорғау органдарының жасырын және жария қызметі арасындағы өзара жақындастырушы тетікке айналған деген қорытындыға келеді. Орталық Азия өңірі мемлекеттерінің ұстанымдары бірқатар ерекшеліктерге ие болғанымен, жасырын тергеу әрекеттерін қылмыстық сот ісін жүргізуге одан әрі ұштастыру және енгізу бағытында жинақталған тәжірибе де бар.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: жасырын тергеу әрекеттері, тергеу әрекеттері, жедел-іздістіру іс-шаралары, жедел-іздістіру қызметі, теория, практика, инновациялар, цифрландыру, қылмыс.

Updating the theory and practice of covert investigative actions in the countries of Central Asia

Rakhmadzhonzoda R.R.^{1*}, Rakhmetov E.S.¹

¹Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

ABSTRACT. In the context of a transforming labor market and high uncertainty, the professional self-determination of school students is gaining strategic importance. The purpose of this study is to analyze the level of professional self-determination among students in grades 8–11 in the North Kazakhstan region, as well as to identify key barriers and preferences in the field of career guidance. A total of 117 students were surveyed using a questionnaire, and the collected data were processed using descriptive statistics and content analysis. The results show that more than half of the respondents have not yet made a professional choice, experience internal barriers, and lack sufficient information and support from their schools. A high interest was revealed in game-based, mixed, and individualized formats of career guidance support. This highlights the need to implement interactive and motivational approaches, including board games as a tool for diagnostics, reflection, and the development of meta-competencies. The practical significance of the study lies in the potential application of the findings to develop regionally adapted career guidance solutions for rural schools and migration-vulnerable areas.

KEYWORDS: covert investigative actions, investigative actions, operational-search measures, operational-search activity, theory, practice, innovations, digitalization, crime.

ВВЕДЕНИЕ. В связи с распадом СССР и обретения бывшими союзными республиками государственного суверенитета в них произошли коренные изменения всех доселе существовавших устоев и институтов. Уголовное судопроизводство не стало исключением и за годы независимости этих стран претерпело существенных изменений. Центральнoазиатские республики (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) в силу своей региональной общности и национально-культурной близости имеют много общего и в политическом устройстве общества и правовой системе, отразившееся на их законодательстве. Вместе с тем каждая республика этого региона, следуя национальным интересам, выстраивает собственную законодательную систему, отвечающую современным реалиям и вызовам. Их членство в СНГ и других международных организациях позволяет им осуществлять международное сотрудничество, как между собой, так и странами ближнего и дальнего зарубежья.

Помимо всего, обмен опытом между ними, реализуемое на межпарламентском, межправительственном и прочих (дипломатических, межведомственных) уровнях, способствует динамичному развитию их национального законодательства и правовой системы в целом. Одновременно эти форматы межгосударственного взаимодействия служат консолидации интересов данных стран, направленное на решение актуальных проблем современности, в том числе противодействие международной, транснациональной - организованной преступности.

Приоритетность данной сферы обусловлено, прежде всего, обеспечением национальной (государственной) безопасности, поскольку организованная преступность, орудуя на их территориях, как правило, обладает значительным потенциалом криминального взаимодействия с аналогичными преступными группами, находящимися за границей. Эта преступная международная сеть, как показывает правоохранительная практика стран Центральной Азии и других стран СНГ, хорошо адаптировалась в новых условиях жизни общества. Тесная взаимосвязь членов криминальных групп, а также наличие коррупционных связей во властных структурах той или иной страны, благоприятствуют успешному осуществлению преступного замысла.

Почти ни один международный (межгосударственный) акт о сотрудничестве указанных стран в обеспечении их национальной и коллективной безопасности не обходится без упоминания экстремизма, терроризма, торговли людьми, незаконного оборота наркотиков, торговли оружия, коррупции и иных тяжких и особо тяжких преступлений международного характера. За последние десятилетия связь между этими деяниями укрепилось настолько, что теперь их взаимообуславливаемость не вызывает сомнения. Такая криминальная синергия отвечает интересам злоумышленников в продвижении их преступного промысла за счет ресурсов, предоставляемых лицами, «специализирующимися» на совершение иных антиобщественных деяний.

Например, незаконный оборот наркотиков во многих государствах официально, на законодательном уровне признан источником финансирования терроризма и экстремизма. А коррупция, в силу своих коммуникационных особенностей и «проницаемости» до любых органов государственной власти, служит инструментом лоббирования, своего рода проводником криминальных интересов для устранения стоящих на пути указанных преступлений препятствий. Такой расклад и прочие проблемы в сфере противодействия организованной и иной преступности, практически делают невозможным для каждого государства самостоятельно преодолевать эти трудности. Именно совместные усилия заинтересованных государств позволяют им сообща успешно справляться с такими каверзными задачами.

Вместе с тем, данная деятельность в практической плоскости реализуется правоохранительными органами в процессе уголовного судопроизводства на основании национального уголовно-процессуального законодательства соответствующей страны, в которой отражены нормы международного права и положения международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Именно уголовное преследование и правосудие, осуществляемое компетентными правоохранительными органами, служит в качестве основного инструмента, непосредственно воздействующее на виновных лиц, причастных к преступлениям, а также пресекающее их незаконную деятельность. Качество противодействия преступности в уголовно-процессуальной сфере, прежде всего, обеспечивается эффективностью законодательства страны и высокой степенью проработанностью международных норм, отчасти служащих правовой основой взаимодействия компетентных органов стран-партнеров. Фактор динамичной изменчивости глобального мира и вызванный ею «турбулентность» на международных просторах, затрагивающая как отдельные страны, так и целые регионы, влечет за собой потребность в приведение национального законодательства в соответствие новым вызовам. В этой связи, сотрудничающие в различных плоскостях страны для оптимизации правовых мер и укрепления взаимодействия адаптируют свои коллективные документы под сложившиеся реалии.

Все общество и государство в той или иной мере задействованы в решении указанных задач. Во всех странах к гражданам (подданным) и лицам, обладающим иным статусом, предъявляются требования соблюдать закон и в меру своих возможностей противодействовать антиобщественным деяниям. Одновременно, противодействие преступлениям и иным правонарушениям ведется на законодательном и правоприменительном (правоохранительном) уровнях. При этом роль и значение науки в данном направлении нельзя переоценить, поскольку именно теоретическое, научно-методическое обеспечение этих процессов, позволяет эффективно выстраивать правовой и правоохранительный барьер всяким негативным общественным явлениям. Говоря иначе, научное сопровождение за-

конотворчества и правоприменения является неотъемлемой частью всей концепции уголовной политики и уголовного судопроизводства, так как в теории в данном случае служит для нормотворца и правоохранителя источником теоретических знаний, ориентирующих их на принятие наиболее верного пути решения стоящих перед ними задач.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Как показывают результаты анализа юридической литературы стран постсоветского пространства, включая государства Центральной Азии, научные исследования, проводимые их ученым сообществом, ограничены лишь удовлетворением потребностей отечественной науки, хотя при этом в контексте заданной темы уделяется внимание соответствующим аспектам других государств. В принципе целесообразность такого охвата обусловлено задачами исследования, что с точки зрения науки вполне приемлемо и оправданно. Однако, наряду с этим, существуют ряд задач (проблем), решение которых требует проведения по ним исследования не в рамках отдельно взятой страны, а в масштабе двух и более государств, и целого региона. Одним из таких аспектов представляет собой вопрос о негласных следственных действиях в странах Центральной Азии. Данная категория следственных действий на фоне ставшей привычной советской модели предварительного следствия является нововведением в уголовном судопроизводстве этих стран, которое, несмотря на ранее проведенные исследования не до конца изучены, поскольку полнота исследования следственных действий такого формата возможно лишь при комплексном рассмотрении их правовой и процессуальной природы, условий, на фоне которых они были введены в уголовный процесс и иные сопутствующие этому факторы.

Следует отметить, что на данный момент у этих государств сформировался определенный опыт использования негласных следственных действий в процессуальных целях и достаточный массив судебно-следственной практики, позволяющий исследовать их возможные положительные и негативные стороны. Наряду с этим, вокруг рассматриваемых следственных действий сложились противоречивые мнения, полемизирующие об их целесообразности и неприемлемости. В новых условиях предварительного следствия, негласный характер следственных действий лишает предварительное следствие былой прозрачности и в тоже время ставит их в ряд с оперативно-розыскными мероприятиями, осуществляемыми в негласной форме.

Не все страны Центральной Азии и СНГ пошли по такому пути реформирования уголовного судопроизводства, поскольку их законодатель проявляет осторожность придания следственным действиям негласного характера. Проведение всестороннего исследования в данной сфере позволит раскрыть существующие проблемы относительно проведения негласных следственных действий, дать им характеристику и изыскать пути решения поставленных нами задач. Этим и обуславливается актуализация теории и практики негласных следственных действий в странах Центральной Азии. Попытаемся в этом разобраться.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. В контексте взаимодействия субъектов, осуществляющих ОРД и органов расследования необходимо отметить следующий момент, что абсолютное большинство правоохранительных органов без оперативного обеспечения не могут обойтись и процесс слияния процессуальной деятельности с непроцессуальной неизбежен или отделить их получается искусственно разорвать все

связи и сущность взаимодействия между ними.

Взаимообусловленность двух анализируемых видов деятельности, скорее, должно привести к слиянию их в единое направление борьбы с преступностью, на основании чего и должна произойти модернизация в рамках отечественного уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что такая попытка была сделана, по мнению З. П. Хайдарзода после принятия Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» от 26 июля 2014 г. № 1096, который предусматривал создание в новом виде специализированного структурного подразделения МВД по противодействию торговле людьми. В соответствии с требованиями данного закона Центр по противодействию торговле людьми УБОП МВД Республики Таджикистан должен был стать специализированным подразделением <...>, иметь полномочия ведения ОРД, уголовного преследования лиц за совершение преступлений о торговле людьми <...>. В структуру данного центра <...> в дополнение к уже имевшимся подразделениям предполагалось ввести специализированные следственные подразделения и, одновременно, создать условия для ведения единой информационно-статистической базы данных [1, 2, 3]. Однако, данное слияние так и не произошло. Причины нам не известны.

Отметим, что данное положение в национальном законодательстве активно использовали казахстанские коллеги. На подходе к этому и кыргызские законодатели, плотно продвигающие свои реформаторские идеи. Среди ряда публикаций на эту тему в России отметим, в частности, работы А. Ю. Шумилова и С. В. Зуева[4].

Так, профессор А. Ю. Шумилов еще в 2012 г. предлагал предусматривать в УПК Российской Федерации следственно-розыскные (следственно-оперативные) действия, которые бы проводил следователь. Вот их перечень:

- наблюдение за деянием человека, материальным объектом и (или) местом (визуальное, аудио-, видео и (или) электронное);
- обследование публично недоступного места, а равно жилища или иного частного владения;
- применение идентификационного (помеченного) и (или) ненастоящего (имитационного) средства, а равно специально изготовленных предмета и (или) документа либо специально созданного юридического лица;
- применение конфидентов;
- снятие информации специальным техническим средством с электронных информационных систем и (или) с транспортных и телекоммуникационных сетей, а равно фиксация, сохранение и исследование снятой информации;
- установление закладки (места нахождения радиоэлектронного средства) [5].

Анализируя познавательный арсенал следователя, профессор С. А. Шейфер приходит к выводу, что в законодательстве получила отражение негативная тенденция – преобразование оперативно-розыскных мероприятий в следственное действие, где некоторые оперативно-розыскные мероприятия напоминают следственные действия. По сути, как нам кажется, в ряде своих исследований профессор С. А. Шейфер ведет свои суждения к вопросу о трансформации системы следственных действий за счет пополнения ее негласными (оперативно-розыскными) мероприятиями [6, 7, 8].

Другой публикацией, которая также имеет особую значимость, является Доктринальная модель

уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации. В ст. 1.1 приводятся два емких понятия, которые тесно связаны с нашей проблематикой. 1. «Тайный следователь» или «скрытый агент» (обвинительной власти) и 2. «Следственное действие тайное (негласное)».

1. «Тайный следователь» или «скрытый агент» (обвинительной власти) – офицер федеральной уголовной полиции, офицер иного государственного органа уголовного преследования, уполномоченный прокуратурой тайно осуществлять выявление и раскрытие тяжких, особо тяжких преступлений, изобличать лиц их совершивших, собирать доказательства совершенного или готовящегося преступления путем производства тайных следственных действий. «Скрытый агент» ведет расследование на основе приданной им на длительное время измененной идентичности (легенды). С использованием легенды он может принимать участие в правоотношениях, возникающих при производстве по уголовному делу, в том числе в суде. Фактический материал, полученный «скрытым агентом», приобретает доказательственную силу после его представления прокурором и исследования в суде наравне с другими доказательствами сторон. Для целей изобличения преступников и раскрытия преступлений путем производства негласных следственных действий могут создаваться «легендированные объекты» – предприятия и организации, осуществляющие предпринимательскую и иную деятельность.

2. «Следственное действие тайное (негласное)» – действие, реализуемое по постановлению следственного судьи либо с санкции прокурора следователем, в том числе агентом под прикрытием (на любой стадии уголовного производства, не вне зала судебного заседания и без информирования заинтересованных лиц), основанное на применении скрытых либо зашифрованных средств и методов и проводимое в тех случаях, когда доказательственную информацию для раскрытия и расследования тяжкого или особо тяжкого преступления, иные материалы для изобличения преступника, а также для обоснования и поддержания уголовного обвинения нельзя получить путем производства гласных следственных действий [9].

К примеру, в проекте УК Республики Таджикистан в новой редакции используется словосочетание «негласные следственные действия» (ст. 43, п. 9ч. 1 ст. 64, ч. 3 ст. 405).

В этой связи, Д. И. Селезнев также отмечает, что уголовно-процессуальная деятельность в свой объем должна включать ОРД. При подобном включении проблема использования результатов ОРД в целом будет разрешена, поскольку оперативно-розыскные мероприятия в этой ситуации следует рассматривать в качестве средств уголовно-процессуальной деятельности. В противном случае уголовно-процессуальной науке необходимо будет разрешать проблему использования результатов ОРД для нужд и потребностей уголовного судопроизводства, которая по его мысли является в значительной мере искусственной. Ее появление обусловлено необоснованным увлечением процессуалистов положениями уголовно-процессуальной формы в ущерб её содержательным компонентам, вследствие чего юридическая наука вынуждена затрачивать значительные усилия на выработку организационно-правовых механизмов использования результатов ОРД [10].

Проведенный М. С. Колосович сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства некоторых стран Евразии (Грузии, Кыргызской Республики, Китайской Народной Республики, Латвийской

Республики, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Молдова, Украины, Федеративной Республики Германия, и Эстонской Республики) позволил ей доказать вывод о росте значения негласности в уголовном судопроизводстве и закреплении в УПК некоторых зарубежных стран двуединой системы процессуального инструментария должностного лица, уполномоченного осуществлять расследование: 1) гласные следственные действия; 2) негласные действия: а) негласные следственные действия; б) оперативно-розыскные мероприятия. Основой процессуальной регламентации негласной деятельности по уголовному делу стало частичное наполнение УПК указанных стран нормами оперативно-розыскного законодательства. Далее ею утверждается, что в российском уголовно-процессуальном законодательстве выявлены нормы, регламентирующие негласную деятельность по уголовному делу, представляющую собой двуединый процесс, состоящий из негласной деятельности следователя (дознателя) и негласной деятельности органа дознания, осуществляющего ОРД по поручению следователя (дознателя) или в целях обнаружения лица, совершившего преступление. В результате ею предлагается унифицировать нормативные предписания уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства в единый институт негласной деятельности по уголовному делу, называемый специальными розыскными мероприятиями <...> [11].

Наши узбекские коллеги предлагают разработчикам нового УПК уделить внимание новому порядку досудебного расследования с возможностью унификации с ОРД. Они вышеуказанную унификацию видят в объединении негласных мероприятий в единую систему негласных следственных действий на базе УПК [12].

Профессор Н. В. Павличенко и А. И. Тамбовцев, анализируя проблематику сочетания гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе, приходят к обоснованному выводу о том, что это не выдумка пытливого ума ученого и не конъюнктурная попытка адаптации законодательства под субъективные интересы отдельных групп и персоналий, а объективные реалии современной правоохранительной практики. Негласность не является исключительно оперативно-розыскным способом сокрытия от заинтересованных лиц сведений, составляющих государственную, служебную или иную тайну, по аналогии с конспирацией, а представляет собой межотраслевую категорию, методы достижения которой отличаются друг от друга в зависимости от специфики оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной деятельности [13].

Проанализировав проблематику использования результатов ОРД в уголовном процессе, профессор Б. Я. Гаврилов и В. В. Урбан приходят к выводу о том, что материалы ОРД формируются за пределами сферы уголовно-процессуальных отношений и в уголовное дело представляются уже сформированными в окончательном виде. Сегодня практика их признания полноценными доказательствами осуществляется в режиме правовой аналогии к механизму процессуальной легализации иных документов, которая сводится к некоему процессуальному решению об их приобщении к уголовному делу. Далее они утверждают, что отвергать возможность прямого использования в доказывании результатов ОРД абсолютно бессмысленно. Наоборот, это необходимо узаконить, придать этому должный правовой характер [14].

Исследуя пути дальнейшего совершенствования института негласных следственных действий, казахстан-

ские коллеги приходят к выводу, что необходимо: 1) осуществить полный переход на зарубежную модель, предусматривающую слияние функций оперативной работы и следствия и 2) отказ от данного института и возвращение к прежней модели раздельного функционирования ОРД и уголовного процесса [15]. В этом контексте, следует напомнить и о точке зрения выдающихся ученых, которые предлагают создать в Следственном комитете России оперативные подразделения (управления собственной безопасности и управления оперативного сопровождения расследований) [16]. К этой идее стоит только добавить, что авторская позиция уважаемых ученых достаточно обоснована.

По мнению авторов коллективной монографии, в таких случаях речь идет о легализации в уголовном процессе действий и мероприятий, по сути являющихся разведывательными, тайными, а также создание на их основе новых процессуальных форм, где в конечном итоге имеются в виду новые следственные действия по собиранию доказательств. Такие действия получили не только формальное закрепление, но и детальную регламентацию в УПК и иных законах стран Европы и ряда других государств [17].

С. Г. Коновалов исследуя отдельные элементы германской модели досудебного производства отмечает, что включение норм о негласных следственных действий в УПК постсоветских стран также не привело к полномасштабной процессуализации тайных мер. Законы об ОРД были сохранены по причинам объективного характера. Однозначно определить её соотношение с негласными следственными действиями большинству постсоветских законодателей не удалось. Механизм трансформации результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказательства не только сохранился, но и стал применяться к результатам негласных следственных действий, осуществляемых оперативными подразделениями. Далее он отмечает, что проанализированный опыт свидетельствует о нежелательности проведения подобных преобразований в России [18].

К. А. Ерина, анализируя оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность специализированного агентства по борьбе с коррупцией Таджикистана, приходит к выводу, что указанный орган уполномочен на производство оперативно-розыскных мероприятий, осуществление как дознания, так и следствия по фактам совершения коррупционных преступлений, экономических преступлений коррупционного характера и преступлений, связанных с налогами. Существование указанного органа в структуре власти может свидетельствовать о том, что сосуществование оперативно-розыскных и следственных аппаратов «плечом к плечу» возможны, если их целью, к примеру, является борьба с коррупцией [19].

Таким образом, правильное использование информации, полученной оперативно-розыскным путем в доказывании по уголовным делам, становятся

объективной необходимостью. Выбор той или иной модели и пути их решения зависят от конкретных действий (инициатив) правоприменительных и законодательных органов. Относительно введения в уголовно-процессуальный закон вопросов ОРД в качестве отдельного раздела или главы утверждает отечественный исследователь И. Т. Махмудов [20]. Попытку переосмыслить особенности данной проблематики предпринял молодой отечественный исследователь Я.Б. Хакимов [21].

В контексте возможного проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий со стороны следователей и их дальнейшего закрепления в УПК Республики Таджикистан, нами был проведен опрос. Респонденты по-разному воспринимают данную возможную идею и последствия ее внедрения. Так, 43 % видят в этом необходимость в контексте усиления взаимодействия по раскрытию и расследованию преступлений, 19 % не видят в этом необходимости и считают их отдельными видами деятельности, 19 % считают, что это положение создаст на практике множество проблем, и остальные 16 % утверждают о том, что оперативные сотрудники в большинстве случаев останутся без работы [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Проведенный нами анализ мнений правоприменителей и различных представителей сообществ еще раз засвидетельствовал тот факт, что процесс модернизации отечественного уголовного судопроизводства должен прогрессировать. Качество и результаты зависят от правильного подхода и выбранной стратегии отраслевого реформирования. Считаем необходимым в этом контексте процитировать положение Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг., которая требует относиться к ОРД, как важной деятельности, способствующей уголовному процессу, осуществляемой скрытно и односторонне, и в будущем разработать процессуальные стороны этой деятельности, законодательно закрепить ее результаты в соответствии с правилами представления доказательств, которые могут быть использованы в уголовном процессе (абз. 6 п. 57).

Подобные инициативы также были выдвинуты еще в 2010 г. Так, эксперты из стран Центральной Азии пришли к выводу, что в целях достижения более высокого уровня защиты прав человека и предотвращения злоупотреблений, ОРД наряду с предварительным следствием должна быть урегулирована в уголовно-процессуальных кодексах, а не в специальном законодательстве. Этот процесс должен сопровождаться расширением судебного контроля за досудебным расследованием [23].

Резюмируя изложенное, следует сделать вывод о признании ОРД как неотъемлемой вспомогательной деятельности досудебного производства в условиях реального противодействия различным проявлениям преступности в странах Центральноазиатского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Хайдарзода, З. П. Некоторые вопросы противодействия торговле людьми как элемента правоохранительной деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. – № 3 (35). – С. 106.
2. Хайдарзода, З. П. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан по противодействию торговле людьми : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 134-135.
3. Хайдарзода, З. П. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан по противодействию торговле людьми / под ред. И. Ю. Захватава. – Душанбе, 2020. – С. 151-152.
4. Зуев, С. В. От оперативно-розыскных мероприятий – к негласным следственным действиям: современное состояние и развитие // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 3 (48). – С. 53-66.
5. Шумилов, А. Ю. Реформа уголовного процесса в России не завершена // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 1 (30). – С. 22-24.
6. Шейфер, С. А. Использование в доказывании непроцессуальных познавательных мероприятий // Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М., 2009. – С. 94-96, 105-126, 191-193.
7. Шейфер, С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М., 2013. – С. 159.

8. Шейфер, С. А. Проникновение оперативно-розыскных мер в систему следственных действий // Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. – М., 2015. – С. 11, 46-48, 49, 63-75, 109.
9. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и Комментарий к ней / коллектив авторов // под ред. А. С. Александрова. – М., 2015. – С. 24, 23.
10. Селезнев, Д. И. Средства уголовно-процессуальной деятельности // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 18.
11. Колосович, М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2019. – С. 16-19.
12. Предложения по Концепции совершенствования системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан. – Ташкент, 2018. – С. 13.
13. Павличенко, Н. В., Тамбовцев, А. И. Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3 (43). – С. 115.
14. Гаврилов, Б. Я., Урбан, В. В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: законодательное регулирование и проблемы правоприменения // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 154.
15. Нурғалиев, Б. М., Лакбаев, К. С., Кусаинова, А. К. Проблемы правоприменительной практики негласных следственных действий в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 577-584.
16. Захарцев, С. И., Сальников, В. П. Следственному комитету Российской Федерации нужны собственные оперативно-розыскные подразделения // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 6. – С. 114-118.
17. Попов, А. П., Попова, И. А., Зинченко, И. А. Интеграция розыскных начал в досудебное производство // Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права. – Пятигорск, 2019. – С. 159-177.
18. Коновалов, С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – С. 9-10.
19. Ерина, К. А. О некоторых аспектах сравнительно-правового анализа законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан в вопросах борьбы с коррупционными преступлениями // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития : материалы VIII международного научно-практической конференции (Душанбе, 30 октября 2020 г.). – Душанбе, 2020. – С. 382.
20. Махмудов, И. Т. Проблемы правового регулирования использования результатов ОРД по уголовным делам // Вестник Таджикского национального университета. – 2015. – № 3/6 (176). – С. 64.
21. Хакимов, Б. Я. Проблемы правового регулирования тайных негласных следственных действий в уголовно-процессуальном праве (на тадж. яз.). – Душанбе : «Дунёи муосир», 2021. – 237 с.
22. Приложение № 15. Результаты анкетирования судей, прокуроров, следователей, дознавателей, представителей адвокатского и академического сообщества // Рахмаджонзода, Р. Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан : дис. ... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2023. – Т. 2. – 249 с.
23. III-й Экспертный Форум по уголовному правосудию для Центральной Азии. Итоговый отчет. БДИПЧ ОБСЕ, 17-18 июня 2010 г. Душанбе, Таджикистан. – С. 4.

REFERENCES:

1. Hajdarzoda, Z. P. (2017). Nekotorye voprosy protivodejstviya trgovle ljud'mi kak elementa pravoohranitel'noj dejatel'nosti organov vnutrennih del Respubliki Tadjikistan [Some issues of combating human trafficking as an element of the law enforcement activity of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan]. Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan [Proceedings of the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan], 3(35), 106. [In Russian].
2. Hajdarzoda, Z. P. (2019). Pravovye i organizacionnye osnovy dejatel'nosti organov vnutrennih del Respubliki Tadjikistan po protivodejstviju trgovle ljud'mi [Legal and organizational foundations of the activity of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan in combating human trafficking]: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 134-135. [In Russian].
3. Hajdarzoda, Z. P. (2020). Pravovye i organizacionnye osnovy dejatel'nosti organov vnutrennih del Respubliki Tadjikistan po protivodejstviju trgovle ljud'mi [Legal and organizational foundations of the activity of the internal affairs bodies of the Republic of Tajikistan in combating human trafficking]. I. Yu. Zahvatov (Ed.). Dushanbe, 151-152. [In Russian].
4. Zuev, S. V. (2016). Ot operativno-razysknyh meroprijatij – k neglasnym sledstvennym dejstviyam: sovremennoe sostojanie i razvitie [From operational-search measures to covert investigative actions: current state and development]. Operativnik (syschik) [The Operative (Detective)], 3(48), 53-66. [In Russian].
5. Shumilov, A. Yu. (2012). Reforma ugovolnogo processa v Rossii ne zavershena [The reform of criminal procedure in Russia has not been completed]. Operativnik (syschik) [The Operative (Detective)], 1(30), 22-24. [In Russian].
6. Shejfer, S. A. (2009). Ispolzovanie v dokazyvanii neprocessual'nyh poznavatel'nyh meroprijatij [The use of non-procedural cognitive measures in proving]. In: Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, 94-96, 105-126, 191-193. [In Russian].
7. Shejfer, S. A. (2013). Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoj, sudebnoj i prokurorskoj vlasti [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power]. Moscow, 159. [In Russian].
8. Shejfer, S. A. (2015). Proniknovenie operativno-rozysknyh mer v sistemu sledstvennyh dejstvij [The penetration of operational-search measures into the system of investigative actions]. In: Sobiranie dokazatel'stv po ugovolnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki [Collection of evidence in a criminal case: problems of legislation, theory and practice]. Moscow, 11, 46-48, 49, 63-75, 109. [In Russian].
9. Doktrinal'naja model' ugovolno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossijskoj Federacii i Kommentarii k nej [Doctrinal model of the criminal procedural law of evidence of the Russian Federation and Commentaries thereto] (2015). A. S. Aleksandrov (Ed.). Moscow, 23, 24. [In Russian].
10. Sleznev, D. I. (2012). Sredstva ugovolno-processual'noj dejatel'nosti [Means of criminal procedural activity]: Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 18. [In Russian].
11. Kolosovich, M. S. (2019). Processual'nye sredstva obespechenija glasnosti i tajny v ugovolnom sudoproizvodstve: konceptual'nye osnovy [Procedural means of ensuring openness and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations]: Extended Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd, 16-19. [In Russian].
12. Predlozheniya po Konceptii sovershenstvovaniya sistemy ugovolnogo i ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan [Proposals on the Concept for improving the system of criminal and criminal procedural legislation of the Republic of Uzbekistan] (2018). Tashkent, 13. [In Russian].
13. Pavlichenko, N. V. & Tambovcev, A. I. (2017). Sochetanie glasnyh i neglasnyh metodov i sredstv v ugovolnom processe: innovacija ili pravovaja real'nost'? [The combination of overt and covert methods and means in criminal procedure: innovation or legal reality?]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Management Academy of the MIA of Russia], 3(43), 115. [In Russian].
14. Gavrilov, B. Ya. & Urban, V. V. (2018). Ispolzovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugovolnom sudoproizvodstve: zakonodatel'noe regulirovanie i problemy pravoprimeneniya [The use of the results of operational-search activity in criminal proceedings: legislative regulation and problems of law enforcement]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Management Academy of the MIA of Russia], 4(48), 154. [In Russian].
15. Nurgaliev, B. M., Lakbaev, K. S. & Kusainova, A. K. (2019). Problemy pravoprimenitel'noj praktiki neglasnyh sledstvennyh dejstvij v Kazahstane [Problems of the law enforcement practice of covert investigative actions in Kazakhstan]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 10(3), 577-584. [In Russian].
16. Zaharcev, S. I. & Sal'nikov, V. P. (2019). Sledstvennomu komitetu Rossijskoj Federacii nuzhny sobstvennye operativno-rozysknye podrazdeleniya [The Investigative Committee of the Russian Federation needs its own operational-search units]. Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost' [Legal Science: History and Modernity], 6, 114-118. [In Russian].
17. Popov, A. P., Popova, I. A. & Zinchenko, I. A. (2019). Integracija rozysknyh nachal v dosudebnoe proizvodstvo [The integration of search principles into pre-trial proceedings]. In: Problemy sovremenno ugovolno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava [Problems of modern criminal procedural law of evidence]. Pjatigorsk, 159-177. [In Russian].

Russian].

18. Kononov, S. G. (2018). Elementy germanskoj modeli dosudebnogo proizvodstva v ugovolnom processe postsovetских gosudarstv [Elements of the German model of pre-trial proceedings in the criminal procedure of post-Soviet states]: Extended Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 9-10. [In Russian].

19. Erina, K. A. (2020). O nekotoryh aspektah sravnitel'no-pravovogo analiza zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i Respubliki Tadžikistan v voprosah bor'by s korrupcionnymi prestuplenijami [On some aspects of the comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in matters of combating corruption crimes]. In: Nacional'naja pravovaja sistema Respubliki Tadžikistan i stran SNG: analiz tendencij i perspektiv razvitija [The national legal system of the Republic of Tajikistan and the CIS countries: analysis of trends and development prospects]: Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference (Dushanbe, October 30, 2020). Dushanbe, 382. [In Russian].

20. Mahmudov, I. T. (2015). Problemy pravovogo regulirovanija ispol'zovanija rezul'tatov ORD po ugovolnym delam [Problems of the legal regulation of the use of the results of operational-search activity in

criminal cases]. Vestnik Tadžikskogo nacional'nogo universiteta [Bulletin of the Tajik National University], 3/6(176), 64. [In Russian].

21. Hakimov, B. Ya. (2021). Problemy pravovogo regulirovanija tajnyh neglasnyh sledstvennyh dejstvij v ugovolno-processual'nom prave [Problems of the legal regulation of secret covert investigative actions in criminal procedural law]. Dushanbe: "Dunjo muosir", 237 p. [In Tajik].

22. Prilozhenie № 15. Rezul'taty anketirovanija sudej, prokurorov, sledovatelej, doznatelej, predstavitelej advokatskogo i akademicheskogo soobschestva [Appendix No. 15. Results of the survey of judges, prosecutors, investigators, inquiry officers, and representatives of the legal and academic community]. In: Rahmadzhonzoda, R. R. (2023). Uchenie ob ugovolnom presledovanii v ugovolnom sudoproizvodstve Respubliki Tadžikistan [The doctrine of criminal prosecution in the criminal proceedings of the Republic of Tajikistan]: Dr. Sci. (Law) Dissertation. Dushanbe, Vol. 2, 249 p. [In Russian].

23. III Ekspertnyj Forum po ugovolnomu pravosudiju dlja Central'noj Azii. Itogovyj otchet [3rd Expert Forum on Criminal Justice for Central Asia. Final Report] (2010). OSCE ODIHR, June 17-18, 2010, Dushanbe, Tajikistan, 4. [In Russian].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Рахматджонзода Рифат Рахматджон – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, полковник милиции. E-mail: reefat@yandex.ru

Рахметов Эрик Серикович – начальник Департамента оперативной службы МВД Республики Казахстан, полковник полиции, соискатель кафедры уголовного процесса факультета №2 Академии МВД Республики Таджикистан. E-mail: reefat@yandex.ru

Рахматджонзода Рифат Рахматджон – Тажикстан Республикасы ИИМ академиясы бастығының ғылым жөніндегі орынбасары, заң ғылымдарының докторы, доцент, милиция полковнигі.

Рахметов Эрик Серікұлы – Қазақстан Республикасы ИИМ Жедел қызмет департаментінің бастығы, полиция полковнигі, Тажикстан Республикасы ИИМ академиясының №2 факультетінің қылмыстық процесс кафедрасының ізденушісі.

Rahmadzhonzoda Rifat Rakhmadzhon – Deputy Head for Science of the Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dr. Sci. in Law), Associate Professor, Colonel of Militia.

Rakhmetov Erik Serikovich – Head of the Department of the Operational Service of the MIA of the Republic of Kazakhstan, Colonel of Police, Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure, Faculty No. 2, Academy of the MIA of the Republic of Tajikistan.

МРНТИ 06.35.31
УДК 352.075.2

DOI 10.58319/26170493_2026_2_16

ЖІҢІШКЕ КАПИТАЛДАНДЫРУ ЕРЕЖЕСІНІҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КОРПОРАТИВТІК САЛЫҚТАН ЖАЛТАРУҒА ӘСЕРІ

Нуркашева Н.С.¹, Жолаева М.А.^{2*}, Кизатова К.К.²

¹К.Сағадиев атындағы Халықаралық Бизнес Университеті, Алматы, Қазақстан; ²Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

АНДАТПА. Аталған зерттеу Қазақстандағы жіңішке капиталдандыру ережесінің корпоративтік салықтан жалтару стратегияларын әсерін талдауға бағытталған. Теорияның негізгі назары менеджерлердің шешім қабылдау ілгерілеуі қарастырылып, салық шығындарын азайту арқылы корпоративтік құндылықты арттыруға ұмтылатыны көрсетіледі. Жіңішке капиталдандыру ережесі кәсіпорында қарыз-меншікті капитал қатынасын реттеп, пайыздық шығындардың белгілі бір бөлігін шегерімге жатқызуды шектейді. Сол кезде difference-in-differences (DID) әдісі арқылы бағаланып, жоғары қарызды және төмен қарызды компанияның тәртібі салыстырылды. Нәтижесінде, келісімді салықтан жалтарудың төмендегенін, ал келісімсіз жалтаруда айтарлықтай өзгерістер болмағанын көрсетті. Халықаралық корпорациялар келісімді жалтаруды көбірек қысқартса да, балама әдістерді қолдану арқылы бейімделген. Зерттеу Қазақстанның салық жүйесінің халықаралық стандарттарға сәйкестігін және аймақтық ерекшеліктерін айқындайды. Сонымен қатар, GAAR, SAAR нормативтерінің еңгізілуі корпоративтік салықтық жоспарлауды шектеудің құралдарына айналғаны атап өтіледі. Әдіснамалық зерттеуде 2018 -2025 жылдар аралығындағы мәліметтермен негізделді және 1353 бизнес субъектілері – жыл көрсеткіштері қолданылды. Қорытындысы, жіңішке капиталдандыру нормативі агрессивті салықтан жалтаруды азайтуға ықпал ететіні және халықаралық корпорациялар отандық бизнеске қарағанда көбірек әсер алатыны анықталды. Мұндай зерттеу корпоративтік стратегиядағы келісімді және келісімсіз жалтарудың рөлін түсінуге, сондай-ақ реттеушілерге саясаттың тиімділігін бағалауға құнды ақпарат береді.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: жіңішке капиталдандыру, салықтан жалтару, difference-in-differences (DID), зерттемелік теория, корпоративтік стратегия, халықаралық корпорациялар, GAAR, SAAR, фискалдық саясат

Влияние правила тонкой капитализации на корпоративное налоговое уклонение в Казахстане

Нуркашева Н.С.¹, Жолаева М.А.^{2*}, Кизатова К.К.²

¹Университет Международного Бизнеса, имени К.Сағадиева, Алматы, Казахстан; ²Евразийский Национальный университет Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

АННОТАЦИЯ. Это исследование направлено на анализ влияния правил тонкой капитализации в Казахстане на корпоративные стратегии уклонения от налогов. На основе агентской теории рассматривается процесс принятия решений менеджерами, показывая, что они стремятся увеличить корпоративную стоимость за счет снижения налоговых расходов. Правило тонкой капитализации регулирует соотношение заемного и собственного капитала компаний и ограничивает возможность списания части процентных расходов. Эта